

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СЪЯТ

ДЕЛО № 15-046

ЛИЦЕНЗИЯ НА ВЕРБОВКУ

И.Г. Атаманенко

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Игорь Григорьевич Атаманенко
Лицензия на вербовку
Серия «Гриф секретности снят»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104416
Лицензия на вербовку / Атаманенко И.Г.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7933-9

Аннотация

Подстава – один из приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта.

Подстава женщины-обольстительницы, «ласточки», – на жаргоне англо-американских спецслужб называется «медовой ловушкой». Когда же вместо «ласточки» подставляют «ворона» – мужчину-обольстителя, то это уже «медовый капкан».

Впрочем, что ловушка, что капкан – это всё равно западня. И итог «загона» объекта оперативной разработки в «медовую западню» всегда один: вступление в половую связь с «ласточкой» или с «вороном». Это, как правило, фиксируется с помощью фото- или видеосъёмки для последующего оказания психологического воздействия на объект.

В отечественных спецслужбах операция по загону объекта в «медовую западню» называется «ловлей на живца», а агент-обольститель – «наживкой».

Рассказ о самых громких подставных операциях времен холодной войны читайте в новой книге И.Г. Атаманенко «Лицензия на вербовку».

Содержание

Предисловие	4
Даёшь миллиардершу в жёны!	6
От досье – к подставе	7
«Мистер Каузов, мы знаем, на кого вы работаете!»	10
Всяк по-своему платит по счёту...	12
Фатальный букет роз	14
«Альказар-шоу»	15
Самоубийство с организационными последствиями	18
Одиночество в толпе	21
Пришествие принца	24
Трудовые будни	26
Арест	28
Прощальное послание	29
«Медовый капкан» для «Джоконды»	33
Орудие главного калибра – к бою!	33
Из личного дела секретного агента КГБ «Константинов»	34
Утро секретного агента	36
Приказано совратить	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игорь Атаманенко

Лицензия на вербовку

Предисловие

В основу книги профессионального контрразведчика и литератора положены данные из рассекреченных досье спецслужб, и у читателя есть уникальный шанс узнать, как на практике реализуется подстава – один из приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО).

Подстава – не самоцель, а лишь промежуточное звено в цепи мероприятий, и если она имеет положительную перспективу развития, то можно переходить к следующему этапу операции: добыванию информации, вводу другого агента и (или) оперработника, к вербовке или компрометации.

В отличие от других приёмов САВРО подстава имеет одно неоспоримое преимущество: объект по собственной инициативе вступает в контакт с агентом, а тому остаётся лишь согласиться. Другими словами, не агент набивается в друзья к объекту, а наоборот, – ведь последнему исподволь предлагается то, что он ищет. Это тем более важно, если объект в силу своей профессии постоянно находится на чеку или чрезвычайно осторожен по складу характера.

Подстава женщины-обольстительницы – «ласточки» – на жаргоне англо-американских спецслужб называется «медовой ловушкой». Когда же вместо «ласточки» подставляют мужчину-обольстителя – «вóрона», – то это уже – «медовый капкан».

Впрочем, что ловушка, что капкан – это всё равно западня. И итог «загона» объекта оперативной разработки в «медовую западню» всегда один: вступление в половую связь с «ласточкой» или с «вóроном». Акт этот, как правило, фиксируется с помощью фото- или видеосъёмки для последующего оказания психологического воздействия на объект заинтересованности разведки или контрразведки.

В отечественных спецслужбах операция по загону объекта в «медовую западню» называется «ловлей на живца», а агент-обольститель – «наживкой».

Остаётся добавить, что полёт мысли разработчиков операций по подставе вызовет восхищение, а оригинальность ходов секретных агентов поразит воображение самого взыскательного читателя – достаточно ознакомиться с кратким содержанием этой беспрецедентной книги:

- Кристина Онассис, миллиардерша, владелица «заводов, газет, пароходов», в результате изящной подставы, организованной офицерами КГБ, вышла замуж за скромного клерка «Совфрахта»;

- в ходе стратегической операции «Красный Казанова» для работы в пользу ГДР завербованы десятки западногерманских женщин, имеющих доступ к сведениям, составляющим государственную или военную тайну. Все они угодили в «медовые капканы», расставленные красавцами-мачо;

- агентесса ЦРУ «Джоконда», не знавшая поражений на ниве обольщения, сама попала в «медовый капкан» – влюбилась в агента «Константинов», который сумел склонить ее к выполнению заданий генерала КГБ;

- итог подставы агентессы КГБ «Эдита» – вербовка одного японского дипломата и компрометация другого;

- Морис Дежан, посол Франции в Москве, стал агентом влияния КГБ в результате многоходовой операции, включавшей, в частности, подставу ему «ласточки»;

- подполковник Попов, сотрудник ГРУ, пал жертвой искусной подставы, которую заготовил «охотник за скальпами» из ЦРУ Джордж Кайзвальтер;
- полковник внешней разведки Полещук угодил в «медовую западню», устроенную кадровой сотрудницей ЦРУ Сэлли Грейвс;
- блиц-экскурс в шпионский промысел царской России.

Никакого вымысла – только беллетризованные факты из рассекреченных архивов спецслужб!

Даёшь миллиардершу в жёны!

1 августа 1978 года в Москве, во Дворце бракосочетания, что на улице Грибоедова, был зарегистрирован самый сенсационный брак XX века. Кристина, дочь Аристотелеса Сократеса Онассиса, миллиардера, владельца крупнейшего в мире частного танкерного флота, вышла замуж за скромного клерка «Совфрахта» Сергея Владимировича Каузова.

Обыватели Советского Союза едва не захлебнулись желчью от зависти, а публика на Западе замерла в шоке от изумления и возмущения, потому что такая невеста могла бы выбрать хоть принца Датского, хоть короля испанского, хоть эмира аравийского – она же вон что выкинула!

Откуда было им знать, что с середины 1970-х КГБ проводил одну из самых сложных своих операций САВРО (секретное агентурное внедрение в разработку объекта), первым этапом которой была подстава и последующее заключение брака с богатейшей женщиной мира!

Словом, не только взаимная симпатия сблизила Кристину и Сергея, но и трезвый расчёт и коммерческая выгода с одной стороны, оперативный интерес – с другой...

От досье – к подставе

В 1975 году, согласно завещанию покойного «адмирала танкерного флота», единственной наследницей всего движимого и недвижимого имущества стала его дочь Кристина.

Скептики посмеивались: «Не оказаться бы ей в роли удава, заглотившего эшелон с тушенкой. В глотку-то влезло, а переварить не получится».

Оснований для этих сомнений хватало, ибо в хозяйстве Кристины помимо сотен танкеров была авиационная компания «Олимпия», несколько греческих периодических изданий, банковский, строительный и игорный бизнес.

Кристина, несмотря на то, что её жизнь протекала в заповеднике благополучия, совсем не походила на богатых соплеменниц, чьё бесцельное существование могли омрачить даже сломанный перед светским раутом ноготь или неудачно выбранная губная помада.

Вопреки прогнозам скептиков, Кристина из взбалмошной девицы очень скоро превратилась в жёсткую правительницу миллиардной империи. Про таких в России испокон века говорили: «Эта баба не то что мужика – попа с обедни сдёрнет!»

Однако личная жизнь госпожи Онассис, в точном соответствии с народной мудростью «не деньги приносят счастье», так и не сложилась, хотя от желающих предложить тридцатилетней миллиардерше руку и сердце не было отбоя.

По заданию московского Центра на добывание сведений о характере, привычках, склонностях, симпатиях и антипатиях владелицы «заводов, газет, пароходов» была мобилизована группа офицеров афинской резидентуры КГБ.

Добытая информация докладывалась руководству Комитета, которое намеревалось внедрить своих людей в ближайшее окружение Кристины, а через неё – почему бы и нет? – в элитный клуб богатейших и влиятельнейших людей планеты, в частности, в Бильдербергский клуб.

Вот некоторые пассажи из досье на госпожу Онассис, которое сформировал майор Н-ский.

«Кристина Онассис – энергичная, волевая, невероятно работоспособная женщина. Ближайшее окружение дало ей прозвище “Смерч деятельности”. В суждениях категорична и размашиста. При принятии решений с чужим мнением не считается, влиять на неё – дело бесперспективное. Умеет достигать поставленной цели. Очень рациональна, внутренне дисциплинирована. Имеет вкус к риску, ей свойственны широкие жесты, однако при этом осторожности не теряет. Будучи человеком страстным, любит всякого рода излишества и удовольствия. Может получать моральное удовлетворение, занимаясь устройством чьих-то дел.

Отношение к мужчинам – рационально-потребительское, в них она видит не более чем наёмную силу – в принадлежащих ей компаниях всех начальников-женщин заменила мужчинами. В них её привлекает нестандартность мышления, целеустремлённость, эрудиция и... умение подчиняться.

С теми немногими ухажёрами, с которыми Кристина состояла в интимных отношениях, она рассталась по причине своего доминантного характера.

Сегодня Кристина находится в поиске подходящей для себя пары. И неважно, какой национальности будет её избранник».

Генерал-майор Н-кин, руководивший в московском Центре операцией «СВАТОВСТВО» – вербовочной разработкой гречанки, – жирно-фломастерно подчеркнул последние семь строчек.

Первым пунктом в плане операции значился подбор кандидата на подставу госпоже Онассис. Их было трое, что обеспечивало свободу действий и простор для оперативного

манёвра. Ознакомившись с личным делом каждого, генерал остановил свой выбор на агенте «Корабел».

По мнению генерала, он соответствовал требованиям, предъявляемым Кристиной мужчинам, с которыми она поддерживала отношения, поэтому проблем в плане их психологической совместимости возникнуть не должно было.

Агент имел добротное специальное образование, умен, начитан, свободно владеет английским и французским языками. В общении с коллегами из «Совфрахта», независимо от их возраста, занимаемой должности и пола, предупредителен, всегда готов пойти на компромисс. Умеет сохранять спокойствие в условиях быстро меняющейся обстановки, даже когда на него оказывают психологическое давление. Женщины-сослуживицы находят его чрезвычайно обаятельным, обладающим редкой харизмой.

«Пожалуй, – задумчиво произнес Н-кин, – лучшего “штыка” для подставы госпоже Онассис не подобрать. Правда, есть одно – нет! – целых три “НО” у “Корабела”: жена и две несовершеннолетних дочери... Ну что ж, Сергей Владимирович, не упустите ваш шанс! Выбор у вас небольшой: либо вскружить голову миллиардерше и оказаться у неё на содержании, либо продолжать стрелять “чирики” у сослуживцев до зарплаты...»

Стоп, хватит лирики! Сегодня же надо провести явку с “Корабелом” и отправить в Афины приглашение Онассис прибыть в Москву для заключения с “Совфрахтом” взаимовыгодного договора. А как быть с оставшимися агентами? Чёрт, в силу своего служебного положения они тоже должны участвовать в переговорах! Оба внешне неотразимы – мачо из голливудских боевиков – любой своей яркой внешностью затмит “Корабела”, отвлечет на себя внимание миллиардерши и помешает ему завоевывать её сердце. Кроме того, они тоже свободно владеют английским языком, но самое главное их преимущество – оба не женаты, тогда как “Корабел”...

Нет-нет, всякую конкуренцию надо исключить! Что делать? А просто – обоих лишних отправить в командировку. Решено: один поедет в Архангельск на судоверфи, другой – в Туапсе на судоремонтный завод. Всё, за работу!»

* * *

Как и было предусмотрено планом, «Корабела» подставили Кристине в «Совфрахте», куда она прибыла для заключения договора. Молодые люди на удивление быстро нашли общий язык. Во время фуршета агент завёл разговор о Сальвадоре Дали и сразу же нашел в лице Кристины внимательного слушателя. Как выяснилось, их объединяет любовь к авангардистскому искусству вообще и к творчеству великого испанца, в частности.

В дальнейшем Кристина и Сергей с каждой встречей находили всё больше точек соприкосновения, которые свидетельствовали об их духовной близости. «Корабел» сумел покориť объекта своими познаниями в истории Древней Греции – соответствующую подготовку провели приглашенные эксперты, – в современной западной литературе, кинематографе и прочая, прочая, прочая...

На прощание Кристина в знак благодарности за прекрасную экскурсию по Москве и Суздалью подарила агенту белую «Волгу» и свою фотографию, надпись на которой свидетельствовала, что подстава удалась и интимного сближения можно ожидать уже в ближайшем будущем:

«Милому Сержу, человеку штучной работы, эрудиту с нестандартным мышлением, от оригинала с надеждой встретиться через месяц в Париже и перевести отношения в другую плоскость. Твоя Кристина».

* * *

По возвращении в Афины Кристина заявила родственникам, что наконец встретила человека, за которого хоть завтра вышла бы замуж. Вся родня встала плотиной на её пути. Но Кристина была непреклонна: «Да, он – русский! Да, он – коммунист! Да, он – агент КГБ! Он – настоящий ящик Пандоры! Кто из вас, скажите мне, – обращалась она к многочисленным оппонентам из числа друзей и родственников, – отважится туда заглянуть? А вот я загляну, и никто мне не смеет помешать, ясно?!»

Это был самый весомый аргумент миллиардерши, парировать который не сумел никто из отговаривавших её от вступления в брак с русским...

«Мистер Каузов, мы знаем, на кого вы работаете!»

Через месяц после знакомства и общения в Москве Сергей, согласно плану Комитета, а также выполняя просьбу Кристины, прибыл в Париж, чтобы продолжить завоевание её сердца.

Они стали тайком встречаться в маленьких гостиницах в предместьях Парижа, где, сохраняя инкогнито, можно было снять номер на пару часов. Да вот только появления Кристины, где бы ей ни пришлось бывать, не утаишь – уж слишком она была известна на Западе вообще и в Париже, в частности.

О встречах Каузова и Кристины первыми пронюхали французские спецслужбы и ЦРУ и «слили» информацию во все западные СМИ.

Советские сотрудники парижской резидентуры КГБ, действовавшие с посольских позиций, как и партком «Совфрахта», воды в рот набрали и делали вид, что ничего не ведают...

* * *

Западные журналисты, узнав о романе Кристины Онассис с рядовым чиновником из «Совфрахта», были едины во мнении: к этому приложила руку нечистая сила с Лубянки. Уж больно дерзко и безоглядно вёл себя Каузов на чужой территории!

Они утверждали, что Каузов не мог по собственной инициативе так безответственно и бесшабашно действовать. Ведь дома жена, двое детей. К тому же он член КПСС, а ему плевать на всё... Что это? Безрассудная отвага влюблённого по уши стареющего ловеласа, решившего устроить последний бал плоти? Нет, конечно! Просто у него надёжная «крыша» – Комитет госбезопасности СССР.

Тьерри Вольтон, автор фундаментального исследования деятельности советских спецслужб во Франции в 70—80-е годы прошлого века, тот прямо заявлял на страницах «Figaro», что в случае с Кристиной не обошлось без штатных гипнотизёров и специалистов по НЛП (нейро-лингвистическому программированию) из КГБ, которые, дескать, во время пребывания в Москве зомбировали миллиардершу, подготавливая её вербовку в качестве агента влияния. Свой посыл француз подкреплял информацией о русском полицейском сыске и о деятельности ОГПУ – НКВД. В частности, он отмечал:

«В конце XIX – начале XX века московская полиция часто обращалась за консультациями к знаменитому российскому психиатру Владимиру Михайловичу Бехтереву. Используя гипноз и другие приёмы воздействия на опасных убийц и мошенников, Бехтерев помогал следователям подобрать ключ к разгадке самых запутанных дел. Негласное сотрудничество с правоохранительной системой он продолжил и при советской власти. Одним из лучших учеников Бехтерева и по совместительству сотрудником Спецотдела при ОГПУ, занимавшимся секретными разработками в области гипноза, был Александр Васильевич Барченко. В 1920-е годы по заданию руководителей ОГПУ он совершил несколько тайных поездок в Сибирь и на Алтай для изучения экстрасенсорных способностей шаманов и буддийских монахов. Кроме того, Барченко систематизировал сведения о главарях сект скопцов, бегунов, хлыстов и т. п., практиковавших гипнотическое воздействие на своих адептов. Он разработал для НКВД методики психологического воздействия на арестованных, которые затем применялись для подготовки процессов над “врагами народа” – с их публичным покаянием.

Я уверен, что и сегодня КГБ использует архив Барченко в своих практических целях для вовлечения в свою орбиту интересующих его лиц. И самым красноречивым тому под-

тверждением, на мой взгляд, является брак госпожи Кристины Онассис с советским клерком Сергеем Каузовым».

Впрочем, ничего удивительного в пассажах Тьерри Вольтена нет. Ибо только зомбированием и можно было объяснить западному обывателю мгновенную и всеобъемлющую любовь молодой, эффектной и самой богатой женщины мира к тщедушному лысеющему человечку со стеклянным глазом, каким и был Сергей Каузов!

Всяк по-своему платит по счёту...

После знакомства с Кристиной Каузов предпринял шаги для расторжения своего брака. В форсированном темпе ему это удалось. Кристина в качестве отступного бывшей семье Сергея – жене и дочерям – ссудила деньги на покупку кооперативной квартиры. Сами же молодожёны поселились в так называемой «полуторке» с престарелой матерью Сергея.

По рассказам Кристины, каждое утро, проведенное в Москве, начиналось со схватки за туалетную комнату.

«Если я оказывалась второй, – саркастично улыбаясь, рассказывала друзьям Кристина о своем московском житье-бытье, – меня ждала незавидная участь. Каузов страдал жесточайшими запорами, поэтому оказаться в туалетной комнате можно было не ранее, чем через час. К тому же туалет был совмещен с мини-ванной... Что уж и говорить, квартира, в которой мы жили, это – далеко не Зимний дворец русских царей. Не знаю, как им, а мне, владельцу миллиардного состояния, пришлось ежедневно сражаться за возможность попасть на унитаз и принять ванну. Да и вообще, у меня такое чувство, будто я все эти месяцы жила в условиях, приближенных к человеческим...»

Немудрено, что еженедельно гречанка устремлялась за границу, даже не утруждая себя поиском предлога. Иногда в её самолёте находилось место и для муженька...

* * *

Морганатический брак, длившийся 16 месяцев, в конце концов распался. Кристина не выдержала и потребовала развода, заявив, что «их любовный корабль разбился о бытовые рифы».

Чтобы подсластить пилюлю мужу, госпожа Онассис дарствовала ему пару танкеров. Теперь и он стал судовладельцем, организовал свою фирму.

Через некоторое время Каузова призвали в Москву. С ним лично хотел пообщаться сам Арвид Янович Пельше, председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС, которого, по слухам, побаивался даже генсек Брежнев. Престарелого кремлёвского небожителя интересовал вопрос, в какой валюте – драхмах или рублях – новоиспеченный капиталист Каузов собирается платить партийный взнос, да и, вообще, как можно проверить, сколько он заработал за месяц?

Сошлись на том, что к нему будет прикомандирован бухгалтер с Лубянки, который-то и будет переводить валюту в СССР.

Действительно, в партийно-чекистскую кассу Каузов исправно вносил платежи вплоть до развала СССР. В январе 1992 года он убыл на постоянное жительство в Соединённые Штаты Америки.

Последний раз Каузов «всплыл» в июле 1997 года. Радиостанция «Свобода» сообщила:

«60-летний холостой одноглазый со вставной челюстью и абсолютно лысый тайный агент КГБ, бывший муж Кристины Онассис по фамилии Каузов, приставал на нью-йоркском пляже к двум двенадцатилетним подросткам и был так настойчив в своих сексуальных домогательствах, что тинэйджерам ничего не оставалось, как обратиться в полицию. Каузову было предъявлено обвинение в педофилии».

* * *

А что же Кристина? Решив, что жизнь – сплошной обман, она бросилась в бесшабашный загул. Перелетая с континента на континент, она искала забвения то в одном элитном клубе, то в другом. Зарабатывать деньги Кристина умела, но и тратить – тоже!

В ноябре 1988 года её труп обнаружили в одном из загородных ночных клубов в сорока километрах от Буэнос-Айреса. Сразу же было объявлено, что она умерла от отёка лёгких. Потом возникли слухи о самоубийстве – были и для них основания. Но дольше других просуществовала версия, что смерть миллиардерши – это месть ЦРУ за отказ от сотрудничества...

Похоронили её на острове Скорпиос, который, по замыслу Аристотеля Онассиса, должен был стать райским уголком Земли. Вместо этого он превратился в семейный склеп...

Со стороны может показаться, что блестяще проведенная подстава закончилась ничем, что вся энергия ушла в свисток... Обманчивое впечатление! Программа максимум – внедрение наших людей в элитный клуб западных капитанов индустрии через Кристину Онассис – была выполнена. Но это уже совсем другая история...

Фатальный букет роз

В 1960-х годах и вплоть до крушения Берлинской стены под руководством и при личном участии начальника Главного управления разведки (ГУР) генерала армии Маркуса Вольфа успешно реализовывалась стратегическая операция под кодовым названием «Красный Казанова». Она предусматривала привлечение к секретному сотрудничеству западно-германских секретарш, имевших доступ к документам, составлявшим государственную, военную или экономическую тайну. А всё потому, что штатные психологи ГУР установили: агенты-женщины работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины. «Шпионы в бюстгалтерах» более наблюдательны, лучше запоминают детали бесед, а уж об их способностях к иностранным языкам и склонности к лицедейству вообще ходят легенды. Но самое поразительное в том, что женщины-шпионы в состоянии обдумывать (!) несколько проблем одновременно.

Некогда волновавший современников вопрос: «А женское ли это дело – добывание секретов?» – в XX веке утратил свою актуальность. Вот какой ответ дал на него Пауль Леверкюн, авторитетный и недавно рассекреченный эксперт германских спецслужб:

«...Еще полезнее иметь дело с женщинами-агентами, как порядочными, так и продажными. Они редко возбуждают подозрение и могут раскрыть тайну в такой обстановке, где мужчины оказались бы бессильными и недостаточно ловкими».

И ещё: «Тайна, которую нельзя узнать через женщину, по всей вероятности, так и останется тайной навсегда...»

Для вовлечения секретарш в орбиту деятельности ГУР в Западную Германию под видом беженцев маршрутировали агентов-красавцев, которых подставляли женщинам баловского возраста с несложившейся личной жизнью. Эти неотразимые «мачо» после недолгих интенсивных ухаживаний предлагали избранницам руку и сердце и, заключив с ними брак, приобщали к шпионскому промыслу.

В числе многообразных мотивов, подвигавших женщин Западной Германии заниматься шпионажем, наряду с желанием «срубить денег», неудовлетворенным честолюбием и просто азартом, была любовь и личная привязанность к соблазнителям из ГУР, как это случилось с Леоной Кранц.

Среди осуждённых за шпионаж секретарш, которые, выйдя замуж за восточногерманских разведчиков-нелегалов, работали на ГУР, была Ирэна Шульц из Министерства науки, Герда Шретер, работавшая в посольстве ФРГ в Варшаве, Гудрун Браун из Министерства иностранных дел, Урсула Шмидт из Ведомства федерального канцлера и многие, многие другие...

«Альказар-шоу»

19 февраля 1978 года, 24 часа 00 минут. Боннская тюрьма. Отсек для государственных преступников. Прильнув к дверному глазку, молодой надзиратель со звучной фамилией Ван дер Билт в течение минуты наблюдал за узницей одиночной камеры №-1.

Согласно инструкции, в камеру надо заглядывать ежечасно и все действия поднадзорной фиксировать в журнале. Каждое утро эти записи затем поступали к следователю для анализа и выработки правильной тактики допроса и к начальнику тюрьмы для возможных изменений условий её содержания.

Ван дер Билт щёлкнул крышкой глазка, скорчил брезгливую гримасу и направился к столу, за которым сидел пожилой седовласый напарник.

– Ну как она, Курт?

– Всё в порядке... Накрылась одеялом с головой, сучит ногами. Немудрено – кто ж сможет заснуть при таком ярком свете в камере! А вообще, герр Отто, знаете, что я вам скажу? В день, когда сюда поместили эту девку, для себя я сделал вывод, что государственное преступление отвратительно не только по своей сути, но и по форме...

– Что ты имеешь в виду?

– Внешность нашей заключённой... Ну и образина! Два дня назад я с женой побывал в «Оазисе грёз», на выступлении ансамбля «Альказар-шоу», да-да, того самого, о котором сегодня трубят все газеты. Так я вам доложу: это – настоящая передвижная кунсткамера! А наша рыжая подопечная из первой камеры напоминает мне отдельные экспонаты из ансамбля...

– По-твоему, там есть государственные преступники? – подначил молодого коллегу седовласый.

Ван дер Билт иронии не уловил и ответил вполне серьёзно:

– Нет там никаких госпреступников, герр Отто... Просто внешне она схожа с некоторыми из них... Да вы и сами пришли бы к такому выводу, если бы вам довелось побывать на представлении. Если вам интересно, герр Отто, я расскажу подробно...

– Валяй, впереди у нас целая ночь...

– Вы, конечно, герр Отто, из исторических романов знаете, – угодливо лоя взгляд старшего по возрасту и по званию собеседника, начал Курт, – что у одной из жен короля Генриха Восьмого было три груди... Но речь не о ней – о таких же уродцах, которых предприимчивый израильтянин Эмиль Барановский собрал по всему свету и гастролирует с ними по самым фешенебельным курортам Европы, ну и к нам, в Люденсдорф, заскочил. У нас он получит громогласную рекламу, а потом махнет со своим аттракционом за океан, в Штаты...

– Он что? Демонстрирует заспиртованных человеческих аномалов? Эка невидаль! В 1941-м на Восточном фронте мне довелось видеть солдат с такими увечьями, что в пору их помещать в кунсткамеру...

– Да нет же, герр Отто! Экспонаты Барановского – не в колбах и пробирках, а во плоти и крови, за деньги выставляющие себя напоказ всем желающим... Впрочем, и нежелающим – тоже! Значит, так. Когда публика в ресторане основательно захмелеет, герр Зигмунд Лейзенбок, хозяин «Оазиса», сцену предоставляет уродцам из ансамбля «Альказар-шоу»...

Начинает он с демонстрации самой простой патологии: выводит в зал 7 членов какого-то арабского то ли клана, то ли племени, у которых на обеих руках и ногах по шесть пальцев. Поясняет, что члены этого племени, чтобы сохранить своё отличие от других представителей рода человеческого, женятся только между собой. Самое интересное, что если в этом шестипалом семействе появляется новорожденный с пятью пальцами на руках и ногах – всё! Муж требует развода.

– Почему?

– Он считает, что жена изменила ему с ненормальным! Но это – только начало. Вслед за арабами Барановский, что называется, достает из рукава козырного туза – выталкивает на сцену короля уродцев. Думаю, этот израильтянин – отменный психолог: стартует на малых оборотах, потом включает полный газ, а затем шоу уже катится само по себе. Но денег эти монстры собирают с присутствующих в зале тьму-тьмушую!

– Что, прямо-таки с шапкой по столам ходят?

– Представьте себе, герр Отто, да! Ну, посудите сами, кто может отказать существу, у которого единственным человеческим признаком является лишь его взгляд, преисполненный мольбы. Некоторые слабонервные клиенты не выдерживают зрелища и, разрыдавшись, либо падают в обморок, либо уходят. Но после того, как заплатят... А платят всегда! Деньги, которые они дают, что-то вроде отступного человеческому уродству...

Да, так вот я начал о короле уродцев. Он из Индии, зовут его Коко. Он – гибрид, то есть его мать должна была родить двойню, но в итоге получился один Коко...

– Не понял? – седовласый вскинул бровь и потянулся к пачке сигарет.

– Сейчас поясню, герр Отто... Голова у него одна, а вот некоторых органов явно в избытке, природа вынудила его позаимствовать их у своего брата-близнеца. У этого Коко, например, четыре ноги, четыре руки, два комплекта половых органов. На спине он таскает тельце своего безголового братца-близнеца, с которым его связывает только шея.

– Какой ужас! Неужели он в зале появляется голым?! – надзиратель от удивления поперхнулся табачным дымом.

– А для чего бы тогда нужно было затевать весь этот балаган? – как бы между прочим, спросил Ван дер Бильт. – Разумеется, на сцену он выходит, в чём и с чем мать родила. Иначе он ничего не заработает, разве вы не понимаете, герр Отто? Да и не только он – весь зверинец Барановского появляется на публике только нагишом!

– А женщины в этом зверинце есть? – седовласый настороженно смотрел на Курта.

– А как же! Есть одна. Француженка по прозвищу «Женщина во фраке». К её собственному тазу природа припаяла еще один, рудиментарный член с дополнительными ногами-яйцами. При ходьбе эта пара недоразвитых ножек болтается, как фалды фрака, отсюда и прозвище...

– Потрясающе!

– У неё в паху растут две рудиментарные груди, которые она дает потрогать всем желающим...

– Что, неужели находятся и такие?!

– Желающих хоть отбавляй, я же сказал вам, шоу начинается, когда публика в зале ресторана находится в крайней кондиции подпития...

– Курт, неужели никто из репортеров не пытался снять этих уродцев на видеопленку во время выступлений? Ты только представь, какой сенсационный репортаж можно сделать, показав этих страшилищ по телевизору или опубликовав их снимки в газетах! И тогда пенсионерам типа меня не пришлось бы тратить огромные деньги, чтобы ехать в Люденсдорф, в этот «Оазис грёз»...

– Нет, герр Отто, в «Оазисе» любая съёмка категорически запрещена как таковая... Впрочем, вы меня отвлекли, слушайте дальше. Есть там еще один уникум, прямо-таки ископаемое чудовище, но его редко выпускают на люди.

– Почему? – надзиратель потянулся за новой сигаретой.

– Ну, во-первых, общение с ним, что называется, на любителя, уж больно омерзительное впечатление производит на зрителей его патология. Во-вторых, он, в отличие от своих собратьев, достаточно интеллектуально развит и для него выйти на сцену – что взойти на Голгофу. Говорят, что он – отпрыск какого-то английского лорда, который отказался и от

него, и от жены сразу же, как только увидел, какой чудовищный сюрприз преподнесла ему природа. Этот парень по имени Эдвард Мордейк внешне очень красив, к тому же он талантливый музыкант – играет на нескольких инструментах. Но при этом у него два лица, одно из которых – женское!

– Да ты что! – надзиратель всем корпусом откинулся назад, едва не рухнув вместе с креслом на пол.

– Ну да, именно так о нём нам с женой и рассказывали, потому что сами мы его не видели. Его вообще мало кому удавалось видеть, так как он часто впадает в депрессию и прячется от людей. Говорят, он уже несколько раз пытался покончить с собой. Думаю, что всё это из-за того, что если для остальных уродцев из балагана маэстро Барановского выступления и кланченье денег, – это карнавал, где они забавляются, как дети, то для бедняги Эдварда – это пытка...

– Так у него две головы?

– Нет, герр Отто, два лица... Одно, как у всех, – спереди, а второе – на затылке. Оно не ест и не говорит, но может вращать глазами и даже плакать и смеяться, представляете!

– О, майн Готт! Курт, ты меня убил наповал! Это же настоящий двуликий Янус!

– Да, точно, так и есть... Говорят, он пытался связаться с врачами, чтобы ему удалили лицо с затылка, но как только Барановский узнал об этом, он посадил беднягу на цепь...

– А как же он его перевозит?

– Так и перевозит. Приковывает к себе наручниками и – вперед! Чтобы, значит, тот не сбежал, ибо тогда Барановский лишится едва ли не самого высокооплачиваемого экспоната. У него уже один такой умер, некто Паскуаль Пиньон, мексиканец с двумя головами...

– Черт возьми, да сколько же аномалий в природе!

Не обратив внимания на восклицание напарника, Ван дер Билт увлеченно продолжал:

– Так вот, у того покойного Пиньона на лбу росла вторая голова, которая тоже могла беззвучно шевелить губами и вращать глазами. Однако со временем эта меньшая голова утратила все свои функции и превратилась в бесформенный нарост. После чего Барановский избавился от экспоната...

А, вот еще что я вспомнил! Последнее время маэстро Барановский якобы накачивает Эдварда наркотиками, чтобы тот был покладистым и давал желающим из числа зрителей прикоснуться к своему второму лицу.

– Мне кажется, что и смотреть-то на это не совсем приятно, не то чтобы прикасаться. – Седовласый укоризненно покачал головой.

– Не драматизируйте, герр Отто! Услышите еще об одном экспонате – ахнете! Этого Барановский оставляет на десерт... Этот – настоящий фаворит, жемчужина коллекции израильянина, гвоздь его программы... Кубинец по имени Хулио Дос Сантос. Сложен и красив, как молодой бог. Ему посчастливилось родиться с лишней парой ног и дополнительным... пенисом! Но если дополнительные ноги – просто рудименты, болтающиеся сами по себе, то его второй член, как и первый, – всегда на боевом посту! Я в постели с ним, слава богу, не был, судить не могу, но слышал, что одна из штатных проституток «Оазиса» рискнула попробовать, каково быть скрипкой, на которой играют одновременно два смычка...

– Аллес, Курт, прекрати! Мне с моим больным сердцем это слышать противопоказано. Давай сменим тему... Кстати, уже пора взглянуть, как там наша подопечная. Ну-ка, сходи, посмотри...

Самоубийство с организационными последствиями

Отшатнувшись от глазка, побледневший Курт обернулся и срывающимся от волнения голосом просипел:

– Герр Отто, герр Отто, скорее сюда... У неё под кроватью какая-то лужа...

Седовласому, прошедшему Восточный фронт, хватило взгляда, чтобы понять: под кроватью, на стерильно чистом белом полу, – лужа крови.

– Ну что стоишь, молокосос! – заорал он на Курта. – Звони в дежурку, вызывай врача и старшего наряда, быстро!

Врач был бессилён вернуть женщину к жизни – потеряла слишком много крови, вправил себе артерию у запястья левой руки – невероятно! – черенками роз. И это была не гипотеза. Рядом с покойницей лежало более двух десятков окровавленных черенков. Их самоубийца взяла из стоявшего в углу камеры глиняного горшка – из него торчал целый сноп засушенных роз, неведомо как оказавшихся в камере.

Эксперт-патологоанатом пояснил сгрудившимся вокруг трупа служащим тюремной администрации, что смерть наступила от чрезмерной кровопотери, о чём свидетельствовали матово-восковой цвет кожи покойной, заострившиеся черты лица, синюшные губы и черные ногтевые ложа, словом, в теле покойной просто не осталось крови для жизнедеятельности. Орудием самоубийства были толстые, как карандаши, засохшие черенки роз с шипами, которые больше напоминали зубы акулы...

– Это ж как нужно хотеть перебраться в мир иной, – воскликнул эксперт, – чтобы шипами, как тупой пилой, разорвать ткани на запястье, перерезать вену, сухожилие и добраться до артерии! Господа, в моей практике такого еще не было. Да что там моя практика! В специальной литературе вы ничего подобного не найдете. Это – уникальный случай аутодафе. Уверю вас, он непременно войдет в учебники криминалистики!

Подумав секунду, патологоанатом добавил:

– Трудно сказать, сколько продолжалось самоистязание, но, судя по всему, – довольно долго. Взгляните, господа, на количество использованных черенков. Их – двадцать пять! А теперь посмотрите на её искромсанные губы. Бедняжка кусала их от боли, чтобы криками не привлечь к себе внимание надзирателей... Стоп! Но она не могла не стонать. И что же? Выходит, охранники ничего не слышали. Черт подери, чем же они занимались, когда заключенная вершила аутодафе?!

Под его негодующим взглядом Ван дер Бильт и седовласый Отто опустили глаза.

Эксперт, театрально потрясая кулаками, запрокинул голову назад и, будто что-то вспомнив, застыл как вкопанный.

– Господа, судя по всему, это самоубийство – не спонтанный акт. Женщина готовилась к нему. И, прежде всего, психологически. Если это так, а мой опыт освидетельствования самоубийц подсказывает мне, что я не ошибаюсь, тогда... Тогда я не понимаю, почему она не оставила предсмертной записки! Думаю, что вам, господа, как представителям администрации, в инциденте надо разобраться досконально!

Членов тюремной администрации так увлекло красноречие добровольного лектора, что, конечно, они не могли заметить, как при этих словах правая рука седовласого Отто конвульсивно вздрогнула и скользнула к карману брюк...

...Первым в инциденте разобрался Гюнтер Ноллау, глава Федерального бюро по охране конституции.

Вне себя от ярости – «Кто разрешил розы в камере?!» – Ноллау, не дожидаясь ответа, приказал отстранить от работы следователя, который вёл дело, а дежурных надзирателей –

Курта Ван дер Бильта и Отто Шмидта – уволить без выходного пособия: «Прошляпили – получайте!»

Для седовласого Отто это будет удар, сравнимый с нокаутом. Он не только потеряет зарплату госслужащего, но и лишится ежемесячных бонусов, которые получал от Бюро, где состоял платным осведомителем под кодовым номером Н-19—41.

Действовал Отто Шмидт по отработанной десятилетиями схеме. Сначала он ненавязчиво, походя, предлагал свою помощь и выполнял мелкие просьбы заключенных, чем постепенно завоевывал их доверие. Ему, обаятельному и ироничному балагуру, психологу и актеру по жизни, это давалось легко. Став своим для жертвы, он прозрачно намекал, что через него можно установить связь с внешним миром. Связь – на выбор: телефонная, теле-тайпная, телеграфная, да хоть почтовая с использованием голубей – только платите! Заключенные обычно прибегали к самому простому способу: передаче через «душку Отто» записок. Ради этого он и был завербован Бюро ещё в 1949 году.

Сведения в записках, которые всегда попадали к сотрудникам Бюро, но не всегда к адресату, использовались по-разному: внесение корректив в тактику ведения допроса и расследования, организация оперативной игры с оставшимися на воле подельниками заключенного, либо их задержание.

Не подкачал Н-19—41 и в случае с подследственной из камеры № 1. Стоило ей отдать Отто письмо для мужа, и за его абонентским почтовым ящиком в Вене было установлено круглосуточное наблюдение.

Слушая гневные эскапады патологоанатома, Отто незаметно сунул руку в карман и зажал в кулаке листок бумаги – письмо покойной, которое он не успел передать по назначению.

«Чёрт побери, кто бы мог подумать, что всё закончится лужей крови?! Впрочем, бескровных войн не бывает, неважно, горячая она или, как сейчас, – “холодная”. Мне ли, солдату, прошедшему горнило Второй мировой, а ныне работающему “негласным добытчиком вещественных доказательств”, этого не знать?!»

Отто стал соображать, как быстрее – ведь на улице ночь! – встретить своего оператора, чтобы избавиться от письма, которое, казалось, вот-вот прожжет карман...

* * *

Франц Крейцель, вновь назначенный следователь из Федерального бюро по охране конституции, в ожидании, когда сформируют бригаду по расследованию кровавого инцидента в камере № 1, достал из сейфа уволенного предшественника пухлый том уголовного дела, чтобы ознакомиться с материалами допросов. Но, прочитав вводную часть, отодвинул от себя дело, закурил и глубоко задумался.

...Леонора Кранц – в девичестве Сюттерляйн, сотрудница МИД, обвинялась в шпионаже в пользу неустановленного государства (предположительно – Австрия, ГДР и СССР) и в похищении более трёх тысяч документов под грифом «Сов. секретно» и «Особой важности». За это ей грозило от 12 лет до пожизненного тюремного заключения.

Сотрудники Федерального бюро по охране конституции сошлись во мнении, что эта цифра – три тысячи – весьма условна, так как учтены лишь те документы, за которые расписалась обвиняемая. В реальности же у неё был неограниченный доступ к секретной документации. Возможно, чтобы излишне не волновать шефа (а может, наоборот, чтобы довести его до инфаркта!), в меморандуме на его имя и фигурировало это количество – «три тысячи».

Учитывая частые выезды Фрица Кранца, мужа покойной, в Вену, можно было предположить, что похищенные материалы он либо отдавал прямо в руки работодателю (значит, он шпионил в пользу Австрии!), либо связнику. Как бы то ни было, в основании – хорошо

отлаженный семейный подряд: жена похищала – муж передавал. На кого же всё-таки работал этот тандем?

Ответ найти не просто. А всё потому, что ещё в 1945 году Вена стала охотничьим угодьем для «охотников за головами» – вербовщиков и офицеров-агентуристов спецслужб Западной Европы и Советского Союза: от набирающей силу западногерманской БНД и английской СИС до КГБ и ГРУ. Стараниями квартета столица нейтральной Австрии превратилась в европейскую явочную квартиру, куда со всех концов Западной Европы для встреч со своими операторами и связниками слетались «ласточки» и «вóроны».

Во времена «холодной войны» Вена превратилась во всемирную явку – к квартету присоединились ЦРУ и РУМО (военная разведка США), – став излюбленным местом встреч сотрудников спецслужб со своими агентами, которые действовали от Афин до Осло и от Хельсинки до Мадрида. Профессионалы шутили: «Если Амстердам – рай для сексуальных меньшинств, то Вена – Эдем для шпионского большинства».

Офицеры ЦРУ, РУМО и западноевропейских спецслужб сообща занимались шпионским промыслом, по-джентльменски проводя разделение труда, – кто-то похищал, а кто-то приобретал добытую информацию. Кто-то вербовал, а кто-то проверял кандидатов на вербовку на конкретных заданиях. Бывали, разумеется, накладки, были обделённые и призёры, но серьёзных конфликтов в этой тайной когорте единомышленников удавалось избегать всегда.

Приблизительно то же самое происходило и в лагере спецслужбистов из СССР и из соцстран Восточной Европы, при этом повышенной активностью отличались сотрудники Главного управления разведки под руководством Маркуса Вольфа...

«Стоп! – воскликнул Крейцель. – А что если Кранцы работали на генерала Вольфа? А от него и до КГБ – рукой подать. Известно ведь, что Вольф считает себя “младшим братом” Андропова. Впрочем, теоретически Кранц мог и напрямую снабжать КГБ похищенными материалами, исключив ГУР как промежуточную инстанцию».

Следствию предстояло установить национальную принадлежность адресата, другими словами, местонахождение спецслужбы, потреблявшей похищенные в МИД документы, маршруты их передвижения, а также детали шпионского промысла супругов Кранц, ибо мало ли какие подробности ещё могут всплыть в ходе допросов!

«Увы, теперь что-то выяснить не представляется возможным – женщина мертва, а муж далеко – либо катается на лыжах в австрийских Альпах, либо пьёт пиво в берлинском гаштете, либо водку на подмосковной даче КГБ – поди разберись!»

Крейцель в сердцах ударил кулаком по столу и вновь придвинул к себе том уголовного дела...

Одиночество в толпе

В семь лет Леонора Сюттерляйн осталась круглой сиротой – родители погибли в авиакатастрофе, когда ей не исполнилось и пяти, а бабушка, которая, оформив опеку, забрала девочку к себе, умерла через год. Других родственников не нашлось, и по решению бургомистра Бонна бабушкину квартиру опечатали до совершеннолетия девочки, а её саму определили в интернат.

Короткая стрижка «а-ля Гаврош», угловатые движения и размашистая походка, потертые джинсы и рубашка-ковбойка, наконец, низкий голос и отсутствие всякого намека на грудь вводили в заблуждение окружающих – Леонору в её 14 лет все принимали за мальчишку. Впрочем, она ничего не имела против – с подругами ей фатально не везло, поэтому в обществе мальчишек она чувствовала себя как рыба в воде.

От других воспитанников интерната Леонору отличали феноменальная память, прилежание и склонность к изучению иностранных языков. Этим объясняются её достижения на ежегодных школьных олимпиадах – там она неизменно завоевывала призовые места. А её успехи в переводах на немецкий язык английских, французских и итальянских современных авторов привлекли внимание чиновников из департамента по работе с персоналом Министерства иностранных дел Западной Германии. Ничего удивительного, что по окончании филологического факультета Боннского университета Леонору пригласили на работу в МИД.

Пройдя все проверки и тесты, в том числе и на полиграфе, Леонора была зачислена сначала стажером, а с июля 1966 года стала работать самостоятельно в отделе «Телько», где расшифровывались и передавались дальше телеграммы всех западногерманских посольств. В свои 22 Леонора имела высшую степень допуска к секретам, составлявшим государственную тайну. За секретность ей полагалась надбавка к основной зарплате.

Казалось бы, жизнь Леоноры удалась. Увы! Через десять лет безупречной службы в престижной синекуре, даже при жалованье, превышавшем зарплату трёх квалифицированных рабочих автоконцерна «Мерседес», она не была не то что счастлива, – не испытывала даже морального удовлетворения. Виной тому было одиночество – ни родственников, ни подруг, ни даже (что удручало более всего!) интимного партнера. Из-за её внешности мужчины шарахались от неё, как от гранаты с выдернутой чекой.

Однако, будучи заядлым оптимистом, Леонора, даже подойдя к рубежу в тридцать два года, не теряла надежды на замужество. Она жаждала любви и готова была одарить ею любого благовоспитанного, благородного, пусть даже некрасивого мужчину преклонного возраста. Она всё равно назвала бы его «принцем». Его появления она ждала каждый день, но он почему-то не спешил объявляться. Особую остроту ожидание чуда приобретало накануне праздников и в новогоднюю ночь, поэтому в такие дни Леонора всегда накрывала стол на двоих...

Кстати, о принце. Чтобы скрасить своё одиночество, Леонора завела говорящего попугая, которого назвала... конечно, Принц! Тот быстро овладел дюжиной фраз, которые хозяйка часто произносила вслух, находясь в состоянии глубокой задумчивости. Особенно часто попугаю приходилось слышать: «Ну же, принц, приходи, я жду!» или «Принц, сколько ещё тебя ждать, негодник?» Попугай, подражая Леоноре, вслед за ней повторял восклицания. И вот что удивительно! Птица была настолько понятлива и чувствительна к изменениям в настроении хозяйки, что фразы озвучивала всегда вовремя: либо в тот момент, когда у Леоноры от тоски кошки скребли на душе, и она со слезами на глазах напевала грустную бабушкину песню из своего детства, либо, когда, получив извещение о причитающемся ей гонораре за разгаданный кроссворд в журнале, плясала от радости.

В любом случае, стоило только Принцу гаркнуть своим хриплым голосом пару фраз про тёзку – всё! Женщину охватывал восторг, и она одаривала своего духовника его любимым блюдом – вареной гречневой кашей. Но бывало, что попугай, устав от безразличия хозяйки, а скорее, чтобы получить деликатес, начинал громогласно требовать явления принца...

* * *

Чтобы дать выход своей нерастраченной энергии, а заодно встретить пусть не спутника жизни, но хотя бы партнёра-временщика, Леонора с монашеской неистовостью стала посещать всевозможные кружки и клубы по интересам. Стартовав на курсах по привитию навыков скорочтения, она добралась до клуба уфологов, где в бесплодных спорах о неземных цивилизациях и о наших братьях по разуму во Вселенной провела целый год. Наконец поняла, что всё это пустое, и поиск предприняла в других присутственных местах. Через год в Бонне не осталось ни одной библиотеки, ни одного театра или концертного зала, где бы она не была завсегдатаем. Тщетно! Нигде не удавалось встретить ни подругу, ни жениха, ни мужчину-друга...

От безысходности она уже подумывала, не дополнить ли ей свою коллекцию иностранных языков, засев за изучение японского или китайского, как вдруг одна её сослуживица-сверстница выскочила замуж за водителя-дальнобойщика, которого случайно встретила в привокзальном гаштете.

«Стоп! – сказала себе Леонора, – я посещаю места, обжитые яйцеголовыми интеллектуалами высокого полёта. А что если сменить вектор поиска и пошарить на социальном дне, может, именно там меня ждет Принц?!»

Решено – сделано. Свои стопы Леонора направила в гаштеты и в кафешки, где за кружкой пива коротали вечера таксисты, уборщики улиц, разномастная прислуга. И однажды ей показалось, что фортуна улыбнулась ей – к ней стал клеиться симпатичный молодой человек, много младше её!

Как выяснилось, начинающий таксист, накануне разбивший авто, забрёл в гаштет, чтобы утопить своё горе в алкоголе. Даже будучи в изрядном подпитии, он, увидев в глазах Леоноры немое согласие, пригласил её составить ему компанию – за шнапс платит он.

«Это только в кино всё начинается с шампанского и устриц в ресторане на Елисейских Полях, – успокоила себя Леонора, – в жизни – с гаштета и шнапса. Выбирать не приходится – будь что будет, выпью!»

После двух рюмок она осмелела и предложила продолжить вечер у неё дома. Но до сексуальных забав дело не дошло – таксист вырубился, едва переступив порог. Леоноре стоило большого труда дотащить бездыханное тело до кровати. Но на этом её злоключения не закончились. Регулярно просыпаясь, таксист хотел то пить, то писать. А коль скоро ходить самостоятельно он был не в состоянии, то Леонора всю ночь курсировала между кухней, туалетом и спальней, двумя руками стараясь удержать вертикально его бесчувственное тело...

Утром, выпроводив восвояси несостоявшегося партнера, Леонора, глядя на своё отражение в зеркале, беззвучно прошептала:

«Это только показалось, что фортуна мне улыбнулась. Нет! Она просто посмеялась надо мной. Всё, хватит шляться по гаштетам, пора покупать пса. Ещё неизвестно, что хуже – пёс, вылизывающий тебе гениталии, или ни на что не способный пьяный мужик в постели!»

С этими словами она извлекла из записной книжки газетную вырезку с объявлением: «Немецких овчарок и догов, обученных куннингу, продадим овдовевшим или страдающим андрофобией¹ женщинам, жаждущим получать сексуальные удовольствия».

Покупку овчарки пришлось отменить, ибо в новогоднюю ночь свершилось чудо...

¹ Андрофобия (греч.) – мужененавистничество.

Пришествие принца

Едва Леонора закончила накрывать традиционный праздничный стол на двоих, в прихожей раздался звонок. Она сразу поняла: это – Принц! Кровь бросилась в лицо, сердце заколотилось в горле, во рту вмиг пересохло. Пулей подлетев к двери и не посмотрев в глазок, она распахнула обе створки. Первое, что она увидела, был огромный букет белых роз, источавших божественный аромат. Такой букет она видела только по телевизору. Его преподнесли английской королеве Елизавете II во время празднования какого-то юбилея...

Букет качнулся, как занавес в Боннской опере, и на рампе возник – о, майн Готт! – Пришелец из её грёз, тот самый Принц.

Красивый, как языческий бог, элегантный, ухоженный и обворожительный, как Ален Делон, он сквозь очки в тонкой золотой оправе неотрывно смотрел Леоноре прямо в зрачки...

– Добрый вечер! – бархатным баритоном, в котором звучал австрийский акцент, произнёс он. – Простите, могу я видеть фройляйн Леонору Сюттерляйн?

– Это я...

– Неудачная шутка! Два дня назад я познакомился с Леонорой на мессе в венском соборе Святого Стефана... Я близорук, но не настолько, чтобы... В общем, она пригласила меня в гости по этому адресу... Ну-ка, держите!

Царственным жестом Пришелец вручил букет Леоноре, достал из кармана роскошного кашемирового пальто бумажник крокодиловой кожи, вынул визитную карточку и показал Леоноре.

– Да, это моя визитка... Но...

То ли от смущения, то ли от пьянящего аромата роз, то ли от явления сказочного Принца, а может, и от всего сразу у женщины закружилась голова, она потеряла дар речи и... окунула лицо в букет.

Первым нашелся Пришелец. Хлопнув себя по лбу, ОН раскатиисто рассмеялся.

– Я всё понял... Шутите не вы, а та проказница, что вручила мне вашу визитную карточку... Ну что ж, не пора ли нам вместе пошутить над ней, за то что она присвоила ваше имя? Наверняка, она из вашего близкого окружения. То-то она умоется, узнав от вас, с кем и как вы встретили Новый год...

С этими словами Пришелец оголил запястье и, взглянув на циферблат дорожных швейцарских часов «Омега» в золотом корпусе, тихо произнес:

– Он уже на подходе – осталось меньше часа...

Леонора не успела ответить – вмешался попугай:

«Ну же, принц, приходи, я жду!» и «Принц, сколько ещё тебя ждать, негодник?»

Пришелец отреагировал мгновенно:

– А вот и приглашение! Только я – не принц, а Фриц, – и, увлекая женщину в квартиру, добавил: – Это ваш мажордом? Он очень строгий – негодником меня обозвал с порога... Уверю вас, фройляйн, я исправлюсь, вот увидите!

Ну а дальше... Дальше Леонора целый месяц не могла выбраться из сказочного сна, в котором сошлись сладостная боль и иступленная страсть дни и ночи напролёт...

Опомнилась она, когда Фриц Кранц сделал ей предложение выйти за него замуж.

Будучи педантичной исполнительницей воли начальства и рьяно следуя инструкции министерства, Леонора бросилась к офицеру безопасности, чтобы сообщить установочные данные жениха.

Как выяснилось, возлюбленный – рыцарь без страха и упрёка – олицетворял собой эталон нордической расы: ни порочащих связей, ни скандальных или уголовных дел ни в

прошлом, ни в настоящем; абсолютное отрицание наркотиков, табакокурения и алкоголя; преуспевающий бизнесмен, в Бонне держит фотоателье; вдовец, детей не имеет; увлекается спортивными играми и путешествиями. И контрразведчики дали благословение на брак.

По настоянию Кранца, венчание состоялось в венском соборе Святого Стефана.

«Дорогая, ты же помнишь, что именно здесь мы познакомились в сочельник, – лукаво подмигнув невесте, пошутил Фриц. – Неужели ты забыла первую нашу встречу?»

Леонора оценила юмор возлюбленного. Да разве только юмор? Она могла часами рассказывать совершенно незнакомым людям о достоинствах своего суженого: и какой он щедрый, и какой он умный, и какой он заботливый, и какой он темпераментный, и, вообще, какой ОН... Тысячи эпитетов, и все в превосходной степени. Словом, муж, отец и любовник в одном лице!

В Вене Кранц предстал перед ней во всём блеске галантного обожателя, одинаково комфортно чувствовавшего себя и в Музее истории искусств, и на гуляниях в честь праздника святого Валентина, где его широте и щедрости могли бы позавидовать арабские шейхи...

Трудовые будни

Через некоторое время «Астор» – рабочий псевдоним Кранца, капитана Главного управления разведки, – предложил шефу завербовать Леонору, выдав себя за офицера советской разведки. Свою идею обосновал тем, что в глазах Леоноры великая держава была чем-то более значительным и надежным, нежели ГДР, в отношении статуса и суверенитета которой она отпускала оскорбительные замечания.

Несмотря на этот, казавшийся убедительным довод, генерал Вольф отверг, предложив свой вариант: Кранц откроется Леоноре как офицер австрийской военной разведки (НДА), действующий в ФРГ под прикрытием фотографа-предпринимателя.

Как оказалось позже, интуиция не подвела многоопытного «играющего тренера» – генерала Вольфа.

Благодаря его предложению в результате операции «ДОН ЖУАН» удалось не только дезориентировать ищек из западногерманской контрразведки, направив их поиск в тупиковом (в австрийском) направлении, но и надолго рассорить две родственные спецслужбы: западногерманское Бюро и австрийское Агентство по охране конституции и борьбы с терроризмом (БВТ – австрийская контрразведка).

* * *

Формально вербовка не была проведена – подписку о сотрудничестве у Леоноры не отбирали, её использовали «втемную», – но в секретных файлах ГУР и КГБ она значилась как источник под псевдонимом «Хельга».

«Астор» объяснил ей, что они вместе будут работать для благой цели – улучшения отношений Австрии с северным соседом, после чего Леонора стала приносить ему секретные документы из Министерства иностранных дел.

Полгода всё шло хорошо. «Хельга», будучи женщиной неробкого десятка, хладнокровно набивала свою объёмистую сумку километровыми телеграфными лентами и беспрепятственно покидала здание МИД, не подвергаясь досмотру.

«Астор» обрабатывал доставленный материал в своём боннском фотоателье для вывоза его в Вену, а дальше добытая информация попадала к генералу Вольфу и председателю Андропову. Когда же «Хельгу» на три месяца послали в западногерманское посольство в Вашингтоне, ГУР и КГБ получили беспрецедентную возможность быть в курсе германо-американских отношений на высшем уровне.

Но однажды ночью Леонора призналась мужу, что испытывает сильнейшие угрызения совести от одной только мысли, что ей приходится злоупотреблять доверием коллег. А для неё, добропорядочной католички, любое насилие над нравственностью, как и ложь, – это большой грех.

«Хорошо, что она назвала это злоупотреблением, а ведь могла выразиться и жёстче, употребив слово предательство!» – подумал «Астор» и немедленно связался с Центром, испрашивая совета.

Ответ не заставил себя ждать, и вскоре «Астор» и «Хельга», согласно разработанному в ГУР плану, выехали в Вену и уже по традиции посетили собор Святого Стефана. Там в обусловленное время они «случайно» встретили священника, который «невзначай» предложил им исповедаться.

Первой к исповеди, как и планировали в ГУР, священник призвал Леонору. Из исповедальни она вышла с просветленным лицом. Увидев мужа, она бросилась в его объятия и радостно воскликнула:

«Как хорошо, Фриц, что ты у меня есть!»

Когда «Астор» оказался глаза в глаза со священником, тот успокоил его, заверив, что «Хельга» проблем ни Центру, ни ему не создаст. Но лишь при одном условии: исповедоваться ей необходимо регулярно и, разумеется, только у него.

С тех пор и до самого своего исчезновения КГБ и ГУР имели в своём распоряжении агентов-священников, которые при необходимости могли оказать психологическую помощь верующим агентам, стоящим на распутье. Но это уже совсем другая история...

Арест

Когда глубокой ночью у входной двери раздался звонок, Леонора не сразу поняла, в чём дело, – у Фрица свои ключи, а гостей они дома никогда не принимали.

Вторгшиеся в квартиру двое сотрудников Федерального бюро по охране конституции – две дюжины других окружили дом и перекрыли черный ход, – предъявив свои удостоверения, поинтересовались, дома ли её муж.

Застигнутая врасплох Леонора, пытаясь взять себя в руки, срывающимся от волнения голосом выдавила из себя:

– Нет, он в деловой поездке, в Вене...

Сотрудники переглянулись и понимающе заулыбались: где же ещё может находиться шпион? Конечно, в Вене – в шпионской столице Западной Европы!

– Как часто ваш муж ездит в Вену?

– По мере необходимости.

– Вы часто составляете ему компанию?

– Никогда!

– Хорошо, фрау Кранц, собирайтесь, вам придется проехать с нами.

Леонора, ещё не понимая, что обречена, нахмутив брови, строго сказала:

– Не забывайте, что мне завтра с утра нужно быть на работе...

– Не беспокойтесь, фрау Кранц, вопрос с вашим руководством уже улажен, оно в курсе, что на работе вас не будет...

Женщина недоуменно вскинула брови и невпопад сказала:

– А как же мой попугай? Он же умрет с голоду. Я возьму его с собой!

Контрразведчики переглянулись. Они явно не ожидали такого оборота.

– Нет-нет, фрау Кранц, возьмите только туалетные принадлежности... Все просьбы потом... к следователю, который будет вести ваше дело. Вам доставят всё необходимое, разумеется, в пределах дозволенного, но... после обыска.

Сотрудник подчеркнуто любезно предъявил ордер на арест и обыск...

Прощальное послание

Раздался стук в дверь, и на пороге кабинета возник межведомственный курьер.

– Герр Крейцель, это для вас! – на стол перед следователем лёг листок, вырванный из школьной тетради, с двух сторон исписанный бисерными буквами.

– Что это?

– Шеф сказал, что вы разберётесь сами... Распишитесь в получении!

– Спасибо... – следователь поставил закорючку в журнале.

Из первой фразы – обращения к получателю стало ясно: писала Леонора Кранц.

«Судя по тому, что текст исполнен разными почерками, – Крейцель с профессиональной дотошностью стал изучать записку, – можно сделать вывод, что послание составлено не в один присест, а в разное время. Следовательно, и самоубийство совершено не под влиянием импульса и мимолетного душевного смятения, а после долгих размышлений... Стоп! А как у женщины оказалась шариковая ручка? Это же категорически запрещено!»

...В 1975 году по указанию министра внутренних дел заключенным запретили иметь перьевые и шариковые ручки. Тому причиной был инцидент с арестантом-наркоманом, которого подозревали в подготовке покушения на канцлера Гельмута Шмидта и потому поместили в отсек для государственных преступников.

Перед заключением в камеру у него изъяли, как того требовала инструкция, колюще-режущие предметы. Через какое-то время следователь заметил, что его подопечный на допросах ведет себя, мягко говоря, неадекватно, а попросту находится в состоянии наркотического опьянения. Как такое могло случиться, если у него отсутствуют и наркотики, и орудия для их применения?!

Подследственному сменили одежду и постельное бельё, а в камере провели тщательный обыск, даже стены простукивали – ничего! А злодей по-прежнему на допросах появлялся под кайфом...

Видеоаппаратура, которую срочно установили в камере злоумышленника, прояснила картину. Всё было предельно просто: шприцем служила шариковая ручка, вернее, её капроновый резервуар для пасты. С ручкой – понятно. Когда покушителя на жизнь канцлера заключали в камеру, ручку как предмет, не представлявший опасности, оставили. Но наркотик, откуда взялся он?!

А вот откуда.

Каждый вечер, перед отходом ко сну, подследственный начинал кашлять, чем, конечно, привлекал внимание надзирателей. После двух минут надрывного кашля поступала просьба: выдать 3–4 таблетки аспирина. Кто ж откажет? Вслед за этим следовал технологически уникальный процесс изготовления и введения в организм наркотика!

Сначала подследственный жевал таблетки. Через 2–3 минуты, обильно слюбренные слюной, они превращались в некое подобие суспензии, но на самом деле – в жижу белого цвета. Её он сцеживал в стакан, а затем малыми порциями ртом вдвух в капроновый резервуар шариковой ручки, заранее освободив его от пасты и от шарика. Всё – наркотик в виде суспензии и орудие – самодельный шприц – готовы к применению! Да, вот ещё! Поршнем шприца служила спичка с намотанной на неё ниткой.

Дальше – картина не для слабонервных. Зубами арестант прокусывал вену на тыльной стороне ладони, вонзал в кровоточащую рану металлический конец капронового резервуара и вводил в вену ту самую жижу из стакана. И так до тех пор, пока на дне стакана не останется ни капли...

...Крейцель долго, может, даже дольше, чем того требовало содержание записки, вчитывался в буквы-бусинки. Наконец шумно вздохнул, всем телом откинулся на спинку кресла, раскурил очередную сигарету и глубоко задумался. И было отчего!

* * *

«Фриц, мой сказочный Принц! Удивительное дело: впервые в жизни я встретила человека с такой разноречивой духовной палитрой...

Ты – усталый циник, и вместе с тем ты – поэт, романтик, иначе как можно расценить преподнесенный тобой в день нашего знакомства, накануне Нового года, сноп белых роз!

В течение всего времени, что мы женаты, ты дарил мне незабываемый праздник, ничего подобного у меня в жизни не было. Я хотела бы вечно быть рабыней твоих желаний!

Я благословляю ту женщину, что вручила тебе мою визитную карточку – во всяком случае, ты так объяснил её происхождение и своё появление. Увидев тебя, я сразу поняла, нет! – почувствовала, что это – знак Судьбы. Но сегодня, мой милый Принц, я хочу тебе сообщить менее приятные для глаз и слуха вещи. И не только потому, что мне очень-очень плохо...

Знаешь, я ненавижу фильмы, которые кончаются плохо. Я ненавижу фильмы, которые кончаются хорошо. Но я обожаю фильмы, в которых есть надежда. А её-то у меня и нет. Моя жизнь – это фильм, в котором я пропустила первые 5, нет, не минут – лет, ровно столько, на сколько ты, Фриц, старше меня. Мы попали с тобой в кино, которое началось давным-давно, и нам придётся выйти до конца фильма. Но мне кажется, что я выйду первой. Не знаю, как скоро я это сделаю, но первой буду я. Впрочем, меня вполне удовлетворяет тот фрагмент, что Бог и Ты позволили мне посмотреть...

А теперь, сказочный Пришелец из моих грёз, о совсем грустных делах. О том, что со мной происходит. Где я, ты уже знаешь из моего первого послания. Надеюсь, что душка Отто переслал его по указанному адресу, и ты его получил.

Меня допрашивают через день. Обо мне они ничего не спрашивают – всё о тебе. Но что я могу им сказать?! Я ведь ничего не знаю и поэтому по большей части молчу. Следовательно называет это моим способом защиты...

На одном из допросов я попросила его дать мне твою фотографию, но оказалось, что ты так хорошо позаботился о сохранении инкогнито, что ищейки из Бюро по охране конституции не смогли найти в квартире ни одной твоей фотографии! Даже той, что была сделана в Вене, на годовщину нашей супружеской жизни. Но ты наказал не ищеек – меня. А мне бы сейчас очень помогло твоё фото здесь, в камере, но, увы...

Тогда я попросила следователя дать мне какую-нибудь вещь, которая напоминала бы о тебе. Нет-нет, мне не нужны золотые побрякушки, что ты мне дарил, отнюдь! Я попросила, что бы ты думал? Тот букет, что ты мне преподнес в день нашего знакомства на Новый год! Это так символично – начать новую жизнь в Новый год, и у меня она действительно началась с букета и с тобой, пришедшим за час до Нового года!

Засушенный букет простоял год, но, кажется, и до сих пор не потерял своего божественного аромата и очарования. Ты, конечно, этого никогда не замечал. Да куда уж тебе – ты постоянно по своим делам в Вене, со мной, твоей женой, ты виделся урывками. Но мне хватало и того внимания, что ты мне дарил.

Не смейся, прочитав, что я общаюсь с букетом, как если бы это был ТЫ. Просыпаясь, я говорю ему “доброе утро” и даже обнимаю его, будто он – это ТЫ. Вообще-то, букет, по распоряжению следователя, мне доставили с одним условием: я должна рассказать всё и чистосердечно. Но что такое это всё и что следователь имеет в виду, я не понимаю...

Для того, чтобы разговорить меня, он сегодня применил ужасный приём: выложил передо мной ворох фотографий, где ТЫ голый кувыркаешься с какой-то крашеной девкой! Но я не поверила, что это ТЫ. Это – фотомонтаж, я знаю! Да и откуда у следователя могут быть твои фото, если даже у меня их нет?! Врёт он всё! А ещё он на меня кричал. ТЫ бы слышал, как он кричал и ругался! А потом вынул зеркало, кстати, то самое, что отобрал у меня перед помещением в камеру. Направил зеркало на меня и заорал:

“Ты только посмотри, паршивая овца, на кого ты похожа! Ты – фантомас, ты – страшилище, в тебя не может влюбиться ни один нормальный мужик. Твой Фриц женился на тебе исключительно для того, чтобы ты таскала ему каштаны из огня – похищала секреты. Ты предала своих коллег, ты предала Фатерлянд, ты такая-растакая! Ты занималась шпионажем вместе с подставленным тебе мужем! Ты похищала секретные документы!»

Но это ведь не так! Ты ведь не подставленный муж? Мы же полюбили друг друга, разве не так? И потом такая страсть с твоей стороны... Ночи любви и твою страсть я никогда не забуду, МОЙ Принц!

Нет, я ему не верю, знай это, мой Принц! Я не занималась шпионажем, я никого не предавала, и мне об этом сказал священник, которого мы встретили в соборе Святого Стефана. Он помог мне освободиться от сомнений и тяжести на душе. Я поверила тебе, я пошла за тобой, я подчинилась твоему желанию и наставлению священника поработать на благо двух стран – Остеррейха и Фатерлянда, ведь это так? Скажи, мой дорогой, что это так?! Я верю только тебе, мой Принц!.. Знаешь, следователь не сумел меня переубедить...

И вот, когда он перестал кричать, я попросила вернуть мне моё зеркальце. Должен же он понять, что женщине без зеркала невозможно. Но он мне его не отдал. Знаешь, что он мне сказал?

«Не отдам, – сказал он, – с его помощью ты лишишь себя жизни. Зеркало всегда изымается у заключенного, потому что, разбив его, осколком можно перерезать себе артерию. Поняла?»

При этом он почему-то очень пристально смотрел на меня. Он всегда смотрит на меня пристально – такая у него работа, но в этот раз в его взгляде был какой-то скрытый смысл. Но, может, мне это показалось, не знаю... А потом он сказал:

“Девочка, для тебя игра окончена, ты никогда больше не увидишь своего Фрица, даже не надейся. А всё потому, что ты исполнила свою партию, и он тебя выбросил, как отработанный мундштук флейты. Он найдёт себе другую и будет с нею радоваться жизни, а тебе до конца дней твоих гнить здесь! Иди и хорошенько подумай о том, что я тебе сказал. Не хочешь говорить – уходи. Уходи навсегда. Поняла?”

Когда я вернулась в камеру и обняла твой, нет! – мой засохший букет, я в первый раз исцарапала шипами руки до крови. Ужас, сколько было крови! Я не могла её остановить. И тогда я поняла, что имел в виду следователь. Шипы – это осколки разбитого зеркала! И я должна ими воспользоваться, чтобы уйти навсегда, ведь мне никогда более не увидеть тебя, мой Принц! И ещё я поняла, что никому не нужна на этом свете. Не нужна была до твоего пришествия, не нужна и сейчас! Ты вдохнул в меня настоящую жизнь и ушёл навсегда, так что же мне остаётся? Я знаю – попрощаться с тобой и уйти насовсем!

Милый Фриц, мы обязательно встретимся на том свете, жаль только, что люди там друг друга не узнают! – так говорила мне бабушка перед смертью. Ты, кстати, сейчас, читая эти строчки, находишься на моем месте. Нет-нет, не подумай ничего дурного, я всё объясню! Дело в том, что после смерти бабушки – умерла она от рака поджелудочной железы – я прочитала её дневниковые записи. Так вот, накануне смерти она, находясь в полном сознании, давала письменные указания, в какой одежде её похоронить...

Если душка Отто не подведёт, ты получишь моё послание и окажешься на моём месте... Прощай, Фриц, мой непрочитанный роман! Жаль, что мне так и не довелось до

конца насладиться общением с тобой... Я запуталась во всём этом: в аргументах следователя, в вере в себя! Я не знаю, что мне делать, я дошла до крайности, и поэтому сейчас, как я тебе и говорила, я буду уходить.

Первой!

Твоя Леонора».

– Н-да, – вслух произнёс Крейцель, раскуривая очередную сигарету, – все мы искренни, когда смотрим в пустые глазницы старухи с косой... Да и «душка Отто» не подвёл: теперь Бюро знает, на кого ты работала, Леонора, – на Австрию!

«Медовый капкан» для «Джоконды»

Орудие главного калибра – к бою!

Был уже двенадцатый час дня, когда полковник Гасан Ахмед-паша, военный атташе посольства Турции в Москве и по совместительству резидент военной турецкой разведки, проснулся от тревожного сердцебиения.

Ценнейший дар жизни – оптимизм – полковник начал утрачивать на пятидесятом году жизни после того, как во время прохождения плановой диспансеризации в американском военном госпитале узнал, что умирает из-за «тлеющего гепатита», которого специалисты по болезням печени называют «тихим убийцей».

Врачи пояснили, что вскоре его печень больше не сможет фильтровать токсины из организма, и он начнет впадать в ступор: не сможет прочесть газету, закончить фразу, иметь дело с деньгами. При бездействии печени другие органы начнут разрушаться. Появятся эпизоды спутанности сознания, похожие на симптомы болезни Альцгеймера. Регрессия половой функции даст о себе знать в первую очередь, а это скажется на интимных отношениях с женой, двадцатипятилетней красавицей Ширин.

Одобрение своему отказу от хирургического вмешательства военный атташе нашел в беседах по телефону со старшим братом, врачом стамбульской клиники.

* * *

Скарденность Ахмед-паши – в целях экономии он вёл международные телефонные переговоры с братом из своего служебного кабинета – была с восторгом воспринята «слухачами» из Отдельной службы генерала Козлова, и они незамедлительно доложили содержание разговоров шефу.

Как известно, у каждого смертного свой удел. У кого-то больна печень и ему требуются деньги на лечение, а кто-то жаждет обладать чужими секретами, и для этого ему нужны вербовки кадровых сотрудников противоборствующих спецслужб, и чем выше будет их уровень, тем лучше...

После трёх месяцев вербовочной разработки «Янычара» и «Джоконды» – под этими кличками военный атташе и его женазначились в файлах КГБ – генерал Козлов всё более склонялся к мысли, что пора вводить особо ценного агента «Константинов», который состоял у него на личной связи.

Форсировать оперативную разработку надо было из-за прогрессирующей болезни «Янычара», так как ежедневно увеличивалось количество пустых упаковок от лекарств – об этом сообщала агент «Виолетта», служившая у объектов горничной. Когда же «наружка» зафиксировала сближение «Джоконды» с Эббой Йонсен, женой шведского посла, скандально известной в дипкорпусе своими лесбийскими пристрастиями, Козлову стало ясно, что половая жизнь супругов достигла точки невозврата. Он понял, что промедление провалу разработки подобно, и отдал приказ:

«Орудие главного калибра – агента “Константинов”, – к бою!»

Из личного дела секретного агента КГБ «Константинов»

«...Глубокое проникновение в суть дела, трезвая расчетливость, дальновидность, основательность. Адаптация к новой обстановке высокая. Ответственность за свои обещания, обязательства выполняет аккуратно и в срок. Постоянно нацелен на успех. Имеет высокий уровень навыков и умений в изучении людей, установлении и закреплении контактов, добывании информации, интересующей органы госбезопасности. Обладает развитой наблюдательностью, быстро ориентируется в незнакомой среде и трудной ситуации. В достаточной мере владеет психологическим механизмом выведывания. Вполне надежен.

Легко сходится с людьми, независимо от их социального положения, пола и возраста. Держится просто, непринужденно, с достоинством. Имеет разнообразные утилитарные, познавательные, культурные, престижные потребности.

Внешне весьма привлекателен. Пользуется безусловным успехом у женщин, независимо от их возраста. Гипнотическое обаяние, элегантная дерзость создали агенту имидж беспроектируемого сердцееда. Среди профессорско-преподавательского состава Кубанского университета получил прозвище «Казанова». В этой связи видится целесообразным использовать «Константинова» в добывании информации об объектах нашей заинтересованности через их связи женского пола».

* * *

Обычно «Константинов», участвуя в оперативных мероприятиях по разработке объектов заинтересованности Службы Козлова, выступал в роли начальника отдела Главного штаба Военно-морского флота СССР.

Действительно, трудно придумать лучшую визитную карточку для агента, чем военная форма. С ее помощью можно и познакомиться с объектом, и через несколько минут завоевать его доверие, создав предпосылки для последующего развития контакта с целью получения необходимой информации.

Военно-морская форма на плечах агента имела еще одно преимущество. Если он привлекался к разработке установленных разведчиков – сотрудников военных атташатов недружественных стран, – то через него, как офицера, имеющего доступ к сведениям, составляющим военную тайну, можно было «гнать дезу» – поставлять ложную информацию о нашей обороноспособности и военных приготовлениях.

Яркой внешности от природы, «Константинов» в мундире морского офицера был неотразим. Разве можно устоять под взглядом этих оливковых глаз, разве можно отказать обезоруживающей улыбке этого морского дьявола? А его широта и щедрость? Они не знали границ. Что ж, досрочно списанный на берег бывший командир атомной подводной лодки, а ныне начальник отдела Главного штаба Военно-морского флота СССР, получал хо-о-рошие деньги! К тому же он не женат и детей не имеет.

Генерал Козлов был осведомлен, на чем была замешана трагедия Кирова – на балеринах Ленинградского оперного театра. Любовницы-танцовщицы приревновали лидера ленинградских коммунистов к его последней пассии – официантке Мильде Драуле – и сделали всё возможное, чтобы ее ревнивый до безумия муж узнал о приключениях ненаглядной женушки с трибуном партии большевиков. Было известно генералу и роковое увлечение маршала Тухачевского прима-балериной из Большого. Поэтому-то его усилия были направ-

лены на то, чтобы в фокусе внимания «Константинова» постоянно находились лица, вращающиеся в околотворческой среде.

Проплаченные Комитетом репетиторы из Большого театра натаскали «Константинова» по части светских манер, поставили ему литературное произношение, дали уроки хороших манер и обхождения с дамами из советского высшего света. Он свободно ориентировался в мире московской богемы, ее тайн и интриг, капризов и интересов.

Его видели с артистками в «Пекине» и «Национале», он собирал компании на подмосковных дачах, талантливо раскручивал флирты и интриги, за оргиями не забывая своего основного предназначения – добывания интересующей КГБ информации.

Галантный, остроумный капитан первого ранга производил впечатление надежного мужчины, готового быть деловым партнером и другом, способного повернуть дельце и вывернуться из любой непредвиденной ситуации, и в то же время устроить для очередной любовницы из Большого незабываемую ночь-праздник, сексуальный фестиваль, после которого она уже отвергала предложения других поклонников.

С началом оперативной разработки «Янычара» Козлов принял решение сначала подставить «Константинова» «Джоконде», а уже через неё выйти на её мужа...

Утро секретного агента

«Константинов» брился, стоя перед зеркальным шкафом. Что может быть лучше ощущения горячего прилива жизни! Черт возьми, какая легкость во всем теле! Кровь так всего и оmyвает, пена для бритья так и кипит на щеках – вены готовы взорваться от адреналина. Так славно вчера всё получилось! Аристотель повел плечом, и ноги сами притопнули по ковру. Это же счастье – жизнь, полная приключений! А кто их создает? Правильно – иностранные разведки и КГБ!

И, вдруг испугавшись, – не прыщик ли? – он придвинулся к зеркалу. Прыщика не было.

«Нет, он есть. Прыщик – это я! – вслух сказал себе “Константинов”, – а иностранные разведчики и генерал Козлов – это мои целители...»

От этой мысли стал чуть-чуть грустно.

«Ничего, – успокоил себя агент, – у каждого свой кон и своё предназначение – кому-то кашу заваривать, а кому и пробу с нее снимать. Вы, товарищ генерал, придумывайте, анализируйте, противоборствуйте, а пенки наслаждений снимать буду Я! И как можно чаще вводите меня в разработку таких девочек, как вчерашняя турчанка. Такую красавицу надо еще поискать! А найди ее кто-то, на вас не работающий, так вы же сами его к ней и не подпустите, потому что она – объект вашей оперативной заинтересованности! И чтоб я делал без вас, дорогой мой генерал?! Воистину, “плыть по течению особенно легко при попутном ветре”. Вы – тот самый ветер, который надувает мои паруса...»

Повеселев от оценки собственной роли в контрразведывательных мероприятиях и воспоминаний о вчерашнем событии, Аристотель бросил бритву на стеклянную доску, выбежал из ванной комнаты и схватил лежащую на письменном столе визитную карточку.

«Надо же придумать такую должность – помощник советника по этническим вопросам! Наверняка на дипломатическую службу она попала по блату. Интересно, кто её спонсор? Да, облагодетельствовать такую кошечку – одно удовольствие. А коль скоро филантропия сегодня не в моде, то какой же страстной была ее благодарность? Стоп! Генерал что-то там говорил о её муже, “шишкаре” в посольской резидентуре, дескать, он – основная цель разработки. Ничего, доберемся и до него! Будем продвигаться к мужу не торопясь, короткими перебежками, а лучше – ползком. Сначала раскрутим роман с турчанкой, а вам, товарищ генерал, придётся подождать! Дольше едешь – больше командировочных. Это – аксиома!

Вообще, черт возьми, как удивительно устроен этот мир! Ах, Ширин, Ширин! Стоило нам встретиться с тобой глаза в глаза, как мы сразу поняли, что наш роман состоится! Не будь я связан заданием, не будь “наружки” вокруг, а то, что она была, сомнений быть не может, зря, что ли, я четверть века отпахал на КГБ, мы бы с тобой, моя красавица, уже через десять минут мчались ко мне домой!

Да, определенно что-то есть в тебе такое, дорогая моя, чего не заметил до меня в тебе ни один мужик! Ты не просто красива, ты обворожительная фея! Твои глаза – два манящих капкана, из которых не выбраться! А какая глубина! Это же пучина, пропасть. Смотришь в них, и дух захватывает, голова кружится, будто в бездну сорвался!»

...Аристотель повернул никелированные краны, горячая вода зашумела в белую ванну, поднимая облачка пара. Закрыв воду, сбросил пижаму и, вздрагивая от звериного наслаждения, с шумом окунулся по самый подбородок. Продлевая наслаждение, поворачивался с боку на бок, оживляя в памяти подробности вчерашнего знакомства с прекрасной турчанкой.

* * *

Стоило молодой красавице наклониться, чтобы запереть дверцу темно-синего «мерседеса», как тут же порыв ветра, выпорхнув из-за угла Тверской на Страстной бульвар, насмешливо забросил юбку ей на плечи, обнажил её соблазнительные чресла. Проходившие рядом мужчины на мгновение застыли в изумлении, наслаждаясь импровизированным стриптизом.

Небрежным жестом женщина одернула платье и царственной поступью направилась к подъезду. На грохочущем лифте поднялась на пятый этаж и потянула на себя ручку обшарпанной двери.

– По вам, дорогая Ширин, можно сверять кремлевские куранты! – раздалось в глубине квартиры, и навстречу жене турецкого военного атташе выплыла известная в кругах московской артистической богемы портниха-белошвейка, великая искусница Эсфирь Моисеевна.

Женщины манерно обнялись. Хозяйка тараторила, не умолкая, изливала на иностранку ушаты восторженных похвал. Не были забыты ни умопомрачительной красоты фигура гостыи, ни её глаза, волосы, кожа и прочая, прочая, прочая...

Под конец Эсфирь Моисеевна, сделав провокационный комплимент Ширин и отметив её изысканный вкус, предложила выпить по чашечке кофе. Хотя Ширин была в восторге от работы белошвейки, но эта уловка, превратившаяся в подобие ритуала, изрядно надоела турчанке. Она дипломатично парировала грубую лесть, ограничившись нейтральным замечанием:

– Извините, Эсфирь Моисеевна, я сегодня очень занята, поэтому кофе мы выпьем в следующий раз. Не возражаете?

– Ну что вы, что вы... Я вообще удивляюсь, как вам удаётся выкроить время, чтобы посетить меня. Я готова примчаться к вам по первому же сигналу, вы только позвоните!

...Лишь только дверь за очаровательной клиенткой закрылась, как лицо угодливой хозяйки приобрело бульдожьи черты. Вынув из передника переговорное устройство, закамуфлированное под портняжный мелок, она прорычала:

– «Первый», «первый»! Я – «второй». Манекен вышел! Как поняли? Приём!

«Первый» прохрипел в ответ, что сигнал принят, и тут же приказал «Константинову»:

– На приступ!

* * *

Турчанка вышла из подъезда, и ее взгляд уперся в спущенное колесо. Вынула из сумочки мобильный телефон. Секунду постояла в раздумье, но вдруг решительно открыла багажник и вытащила насос. Вспомнила, что для предстоящих манипуляций необходим еще и домкрат, но куда он запропастился, да и вообще, черт подери, как с ним обращаться?!

Ширин растерянно рассматривала свои перепачканные маслом белые перчатки, как вдруг к тротуару лихо свернула черная «Волга» и из нее выпрыгнул писанный красавец в форме морского офицера.

...Все жены профессиональных разведчиков, сопровождающие мужей во время длительных заграничных командировок, как наши, так и «ихние», в обязательном порядке проходят ускоренные Курсы повышения квалификации оперсостава (хотя о каком «повышении» и о каком «оперсоставе» может идти речь применительно к домохозяйкам?!). Поэтому Ширин не только определила звание офицера, выпрыгнувшего из «Волги», как черт из катапульты, но и, заметив, как ладно на нем сидел мундир, сделала вывод, что он – штабной служака. Однако количество орденских планок говорило о том, что на берег каперанг списан

недавно, – таская дым в штанах по штабным коридорам, и за двадцать лет не заработать шестнадцать наград!

«Ему, похоже, еще нет и пятидесяти... О, Аллах, да у него орден Красного Знамени и орден Красной Звезды! Значит, он воевал? А что? Говорит же Ахмед-паша, что русские ни на один день не прекращали тайных войн с момента прихода к власти большевиков – вот передо мной живое тому подтверждение. Ничего себе сюрприз! Вот за такими русскими флибустьерами Ахмед-паша и приехал сюда поохотиться. Но этот чертовски хорош собой! Прямо-таки языческий бог, правда, изрядно поседевший. А глаза! Цвета морской волны, они просто завораживают...

Да, ордена просто так не даются... Вот бы Ахмед-пашу сюда! И почему ему не везет с русскими морскими офицерами? Поймай он в свои капканы парочку таких вот орденосцев – давно стал бы генералом. Стоп! У этого корсара восточный профиль. Кто он? Армянин? Азербайджанец? Ахмед-паша говорит, что в бывшем Советском Союзе кровосмешение достигало таких масштабов, что чистокровными остались лишь ахалтекинские скакуны и восточноевропейские овчарки...»

– Мадам, у вас проблемы? – «Константинов» взглядом указал на насос в руках Ширин. – Если вас это не огорчит, мой водитель в вашем распоряжении. Старшина! – оборот головы к «Волге», – ко мне бегом, марш! Надо же, оказывается, сказки бывают не только в книгах, но и на московских улицах – встретить красавицу из восточных сказок – это даже не сказка – это фантастика! – Вперив пронзительный взгляд в зрачки турчанки, с искренним восторгом произнес агент.

– Спасибо за комплимент...

– Вы – женщина, не нуждающаяся в комплиментах!

Турчанка, не ожидавшая такого натиска, вмиг зарделась, опустила насос себе под ноги и тихо сказала:

– Спасибо и за этот комплимент... Не стоит беспокоиться. Я позвоню в посольство. Они приедут и всё сделают...

– Посольство? Так вы не россиянка? А откуда вы?

– Я из Турции...

Услышав это, агент взял Ширин под локоть и увлек ее подальше от кромки тротуара.

– Бог мой, вот так сюрприз, – лицо «Константинова» озарила улыбка, от которой тают льды на Северном полюсе. – Через месяц мне предстоит командировка в Стамбул. Вы в Москве по коммерческим делам?

– Нет, я сотрудник посольства...

– Ну да, конечно... Как это я сразу не обратил внимания на номер вашей машины. Хотя сейчас многие иностранные бизнесмены разъезжают по Москве на машинах дипломатических корпусов своих стран.

«Константинов» испытующе смотрел в глаза собеседницы.

– Нет-нет, я не коммерсант...

Ширин, еще больше смутившись под этим гипнотическим взглядом, безотчетно сняла испачканные перчатки и бросила их в урну. Вдруг она решительным жестом распахнула сумочку и вынула визитную карточку.

– Вот, пожалуйста, возьмите!

«Константинов» внимательно прочитал текст.

– Откровенно говоря, я бы проехал мимо, если бы знал, что вы сотрудница посольства. Я приказал водителю остановиться, увидев красивую женщину с насосом в руках. В таких руках привычнее видеть цветы, бокал вина, но никак не... Что ж, видно, не судьба!

«Константинов» умолк, театрально потупив взгляд.

– Что вас смущает? Насос в моих руках или моя национальность? Турция – не самая плохая страна, не так ли? – с вызовом спросила Ширин.

– Меня? Ничто! Но мое начальство... – агент коснулся рукой погона. – Турция – в составе НАТО, нынешнее продвижение Северо-Восточного альянса к границам России и так далее... Я лишь могу сказать, как плохо, что большая политика мешает маленьким людям общаться, влюбляться, устраивать личную жизнь!

– Вы такой влюбчивый?

– Я бы не сказал... Я – вдовец.

– Простите, я не хотела вас обидеть...

– Ну что вы, не стоит извиняться, уже семь лет, как я потерял жену...

– У вас есть дети?

– Нет... А что это мы все обо мне да обо мне? Давайте о вас поговорим! – агент многозначительно посмотрел на часы. – До совещания в Генеральном штабе у меня есть еще двадцать две минуты. Вы здесь по делу или просто проезжали мимо?

– По делу. Здесь живет моя портниха...

– Так, может, это она иголкой проколола колесо? Вы, наверно, ей плохо платите? Если что, можете рассчитывать на мою помощь!

«Константинов» комично округлил глаза и подмигнул турчанке.

Рассмеялись. Ширин смеялась особенно громко – сказывалось нервное напряжение. Взгляд каперанга будоражил глубины души и вместе с тем притягивал, манил какой-то неземной силой.

– Благодарю вас, мой муж – военный атташе и неплохо зарабатывает. Кстати, в пятницу в нашем посольстве состоится приём, я приглашаю вас...

– По какому случаю приём?

– Колесо готово, Аристотель Константинович! – раздалось за спиной.

Агент, продолжая смотреть турчанке прямо в глаза, сжал её руку.

– Как тебя зовут?

– Ширин... На визитке есть моё имя...

– Я хотел услышать, как произносишь его ты, чтобы называть тебя так, как тебе нравится. Это ведь древнее турецкое имя, я не ошибаюсь? – «Константинов» перешел на шепот.

– Да! Такое же древнее, как твоё... Ты – грек? – спросила турчанка, не заметив, что они вдруг перешли на «ты».

– Греция – не самая плохая страна, не так ли? Что же вас смущает? Погоны на моих плечах или моя национальность?

«Константинов» в точности воспроизвел слова и интонацию иностранки. Снова рассмеялись.

– Вы – остроумный человек, с вами надо держать уши острыми...

– Держать ухо остро...

– Извините... Я еще плохо знаю русский язык...

– Поверь мне, ты знаешь его в достаточной мере, чтобы понять слова любви... Вопрос в том, будет ли у меня возможность тебе их произнести? – комок застрял в горле агента, а глаза вмиг увлажнились. Срывающимся голосом агент спросил: – Когда в следующий раз ты должна быть здесь? Скажи, и я приеду! Я брошу к черту все дела и примчусь немедленно!

Дыхание турчанки участилось, взгляд лихорадочно метался по лицу собеседника, она вдруг увидела стоявшие в его глазах слёзы. С трудом переведя дыхание, женщина прошептала:

– Аристотель, не надо...

«Константинов» уже двумя руками сжимал локти Ширин.

– Надо! Хотя бы одно свидание. Оно ведь ни к чему тебя не обязывает, поверь... Я позвоню, дай мне свой домашний телефон!

– Нет-нет! Завтра. Здесь. В это же время...

Турчанке показалось, что грек не расслышал её слов, так как в это время он, склонив голову, покрывал поцелуями её руки.

– Аристотель... Завтра... В это же время! – полузакрыв глаза, повторила Ширин. «Константинов» резко поднял голову, крепко поцеловал женщину в губы и, развернувшись по-военному на каблуках, нырнул в «Волгу»...

* * *

«Значит, сегодня у нас с тобой, дорогая Ширин, примерка. Похоже, она должна была состояться не сегодня, а позже, но для того, чтобы встретиться со мной, ты ответила так решительно: “Завтра!” Девочка, ты и не подозреваешь, что за примерка предстоит нам обоим! Постараемся тебя не разочаровать! По-русски ты говоришь превосходно. Интересно, это тоже входит в обязанности помощника советника по этническим вопросам?»

Чёрт! Забыл сказать Козлову, что нужен букет роз. Прийти на первую встречу без цветов? Да никогда! Это всё равно, что заявиться к женщине на первое свидание в несвежих носках или нажавшись чеснока. Первое – тут же станет последним! Значит, придется заехать на Центральный рынок. Розы! И только белые! Как символ чистоты и невинности моих помыслов, наших будущих встреч и наслаждений... Приготовьтесь, товарищ генерал, выделить деньги ещё и на розы. Ведь вы же сами не устаёте повторять: “Средства, потраченные на ухаживания за объектом, – гроши по сравнению с тем капиталом – информацией, – которой он располагает!”»

Приказано совратить

В назначенный час «Константинов» на черной «Волге» со служебными номерами Министерства обороны подкатил к знакомому подъезду на Страстном бульваре.

– Ширин, добрый день! Первый раз в жизни встречаю такую пунктуальную женщину! – сказал Аристотель, усевшись в «мерседесе» турчанки. – Признаться, я думал, что мне придется или долго ждать, или уехать ни с чем...

– Почему? – вместо приветствия спросила турчанка.

– Видишь ли, хотя я уж и не вспомню, когда последний раз назначал свидание женщине, но мне известно, что все женщины лишены чувства времени, поэтому всегда и всюду опаздывают. А во-вторых...

Агент умолк, выжидающе глядя на собеседницу.

– А во-вторых? – лукаво улыбнулась Ширин.

– А во-вторых, первым на свидание прибывает тот, кто от него ожидает большего, чем...

– Ты – опасный человек, Аристотель! – ударив ладонью по рулю, с грустью в голосе заметила Ширин.

– Самый безобидный и незащищенный человек на свете – это мужчина, сбежавший со службы, чтобы встретиться с возлюбленной! Почему же я опасен? – кратко произнес «Константинов», а про себя подумал:

«Привыкай, девочка! Я – тиран, деспот, и буду всё время, играя на грани фола, подавлять твою психику... Но в конце концов, поверь, тебе это понравится!»

– Потому что ты – психолог... Действительно, первым приходит тот, кто от свидания ожидает большего, чем другой...

«Константинов» прижался щекой к женскому плечу и примирительно сказал:

– Ширин, дорогая! О чем это мы с тобой заговорили? Кто из нас ждет от свидания больше, а кто меньше? Ну что нам с тобой делить? Уже одно то, что мы с тобой в служебное время вырвались на свидание – это разве не доказательство, что от него мы ждем одинаково много?! Жаль, что я только в душе поэт, а то бы я сложил поэму, как сутки напролёт, не смыкая глаз, поминутно смотрел на часы, ожидая наступления этой сказки – возможности вновь увидеть тебя! Пойдем, я тебе что-то покажу...

Агент нежно взял турчанку за руку и открыл дверцу. Ширин, безотчетно повинувшись, выбралась из машины не через свою дверь, а вслед за Аристотелем.

Увидев целый стог белых роз, заполнивших заднюю половину салона «Волги», турчанка, головой окунувшись в него, еле слышно выдохнула:

– Ты – поэт, Аристотель... Не на словах – в жизни!

* * *

Так и ехали: «Константинов» – за рулем, Ширин – в дурманящем цветочном стоге сзади.

Когда выбрались на Можайское шоссе, Ширин вдруг спросила:

– Аристотель, а куда ты меня везешь?

«Отлично сказано, девочка! Мысленно я тебе, нет, не тебе – себе аплодирую! – оценил вопрос турчанки агент. – Ты правильно поставила вопрос: не куда Мы едем, а куда Я тебя везу! Значит, подсознательно ты уже готова к тому, что ведущий – я, а ты – ведомая».

Бесстрастным тоном, как если бы вопрос о маршруте был уже согласован, «Константинов», не отрывая глаз от дороги, коротко заметил:

– На дачу моего приятеля...

В ответ Ширин согласно кивнула головой. Затем, спохватившись, обеспокоенно спросила:

– А кто кроме нас там будет? Приятель?

«Это очень хорошо, что у тебя, девочка, всех-то и проблем – будет ли на даче приятель, а не когда мы вернемся и чем мы будем там заниматься! Или последнее – это уже для тебя вопрос решенный? Ну-ну, посмотрим, как ты поведёшь себя дальше!» – «Константинов» весело рассмеялся.

– Нет, приятеля там не будет! Он – не поэт... Он – мой сослуживец, и в рабочее время подсчитывает и оценивает секреты, украденные нашей разведкой у военно-морских сил стран НАТО. На даче будет только сторож. Он приготовит шашлыки, пока мы будем кататься на катере. Ты ведь никогда не каталась на катере по Москва-реке, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.